

Н. К. Кочетков

КРАТКИЙ АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК*

Я родился 18 мая 1915 года и прожил весь этот беспокойный век на родной земле. Он был наполнен большими событиями: войнами, революциями, контрреволюциями и даже какими-то ранее невиданными стихийными бедствиями. Все это нашло отражение в жизни моего поколения. В то же время это делало нашу жизнь интересной, и я тоже прожил жизнь трудную, иногда очень трудную, но интересную.

Мне повезло с родителями. Константин Александрович и Мария Васильевна Кочетковы, тихие, интеллигентные люди, делали все, чтобы поднять своих сыновей, дать им образование и выпустить в жизнь с надежным багажом. Это подорвало их силы, и они рано ушли из жизни. Я их помню только молодыми.

Родители Константин Александрович и Мария Васильевна Кочетковы

1929 год, Коля Кочетков кончает семилетку. Надо определяться, что делать дальше. В те годы специальное образование получали рано. Кто кем хочет быть – токарем, поваром, аптекарем, общественным деятелем, приходилось решать уже в юные годы. Для меня проблемы выбора не существовало. Мой отец, инженер-химик, работал на московских заводах. Дом был наполнен химическими книгами, журналами. Многочисленные друзья отца – химики – постоянно бывали у нас дома, рассказывали разные истории, иногда смешные, иногда жутковатые. Было ясно, что я должен стать химиком.

Неподалеку нашлась школа, где старшие классы были с химическим уклоном (это

* Из книги «Н. К. Кочетков. Публицистика. Научные доклады и обзоры. Избранные труды». М.: Наука, 2006. С. 19-28.

здание и сейчас находится на том же месте на Якиманке). Я подал туда заявление. И вот первая неожиданность в моей жизни – я был принят в восьмой класс, но не на химическое отделение, а, кажется, на геодезическое, землемерное. Объяснение этому в наше время звучит каким-то анекдотом, но тогда это была сама жизнь. Мне было сказано: «Химия – дело серьезное, ее можно поручать только социально ответственными людьми. Ваш отец – инженер, а не рабочий, и ваш социальный статус не дотягивает до этого уровня. Поэтому вы уж, пожалуйста, побудьте на другом отделении». Это был первый урок мне, серьезный урок практической социологии, который я запомнил на всю жизнь.

Казалось, положение безвыходное. Тем не менее я, 14-летний парнишка, не сказав никому ни слова, пошел к директору школы и начал просить его перевести меня. Петр Николаевич Чураев, хороший человек, в конце концов согласился с моими доводами, и я был переведен на химическое отделение. Так осенью 1929 г., примерно в ноябре, я в первый раз оказался в химической лаборатории, где выполнял задания по качественному и количественному анализу. Это можно считать началом моей химической работы. Однако это счастье продолжалось недолго.

В то время, как, впрочем, и сейчас, постоянно происходили реорганизации, шли реформы и так далее. Школы, в которых были дополнительные сходные специальности, было решено объединить в техникумы. В результате я оказался студентом Московского силикатного техникума по специальности кирпичное производство, что, понятно, было довольно далеко от химии. Но деваться некуда, надо было получать какое-то образование.

В годы учебы в техникуме.
1930 г.

Я окончил силикатный техникум и даже работал несколько месяцев на одном из подмосковных кирпичных заводов. Командовал бригадой девчат-сезонниц, которые с большим любопытством меня разглядывали (я был моложе их), пели мне довольно охальные частушки, но работали в общем хорошо. Через некоторое время я перешел на

Дорогомиловский химический завод, где работал мой отец, и стал лаборантом центральной заводской лаборатории. Там я проводил анализы выпускаемой продукции, и с тех пор не люблю аналитическую химию.

Время шло, подходила пора поступления в институт, чтобы завершить свое образование. Тогда это тоже было весьма сложное дело, были разные препятствия, в том числе и социального типа, о которых я уже упоминал. Но все-таки мне удалось поступить в Московский институт тонкой химической технологии, который я окончил и люблю до сих пор.

Начались золотые студенческие годы. Мы учились с большим удовольствием, слушали лекции знаменитых профессоров. Например, общую химию нам читал классический профессор старого режима Александр Николаевич Реформатский. Он всегда приходил на лекции в накрахмаленном белом халате, но читал, откровенно говоря, довольно устарелый материал, отдающий XIX веком. Органическую химию читал академик Наметкин, огромный тяжеловесный мужчина с удивительно неподходящим для его фигуры тоненьким голоском. Сергей Семенович был очень известным химиком, специалистом по терпенам. Он излагал свой материал с огромным удовольствием, и его лекции мне запомнились навсегда. Кстати, когда позднее я сдавал ему вступительный экзамен в аспирантуру, он задал мне вопрос как раз о синтезе камфары по Бредту.

Физическую химию в МИТХТ читал академик Яков Кивович Сыркин – прямая противоположность Наметкину. Быстрый, подвижный, как ртуть, он обычно бегал вдоль кафедры и перемежал свои лекции историями, анекдотами. Однако впечатления от лекций как от цельного курса физической химии у нас не оставалось. Наконец, на четвертом курсе, когда началась специализация, я слушал лекции по фармацевтической химии профессора Абрама Моисеевича Беркенгейма. Это был интересный человек, старый еврей, который до революции даже участвовал в каком-то сионистском движении. Он читал лекции весело, одновременно рассказывал разные истории. Беркенгейм был знаменит тем, что впервые у нас в стране, а может быть и во всем мире начал рассматривать химические реакции на уровне изменения электронной структуры молекулы. Его несколько наивный, как теперь кажется, написанный еще в те годы учебник до сих пор бережно хранится у меня как раритет.

В студенческие годы

Свободное время, каникулы мы проводили великолепно. Собирали свои копейки, наши мамы шили нам из тряпок туристские брюки и куртки, и в таком виде, напоминающем больше бродяг, чем туристов, мы ходили пешком по южным районам нашей необъятной страны. Мы обошли весь Южный берег Крыма и исходили Центральный Кавказ. Я даже был в альпинистском лагере на Эльбрусе и до сих пор помню впечатление, которое произвел на меня восход солнца, встреченный на вершине Эльбруса, а внизу подо мной лежал весь высокогорный Центральный Кавказ в глубокой тени. «Кавказ подо мною»!

Но все имеет свой конец, подошло к концу и студенческое время. И надо сказать, что конец был драматический. Я учился хорошо, по своему рейтингу имел право на поступление в аспирантуру и получил соответствующие рекомендации. Документы в аспирантуру подал сразу в два места: к академику Александру Николаевичу Несмеянову, который заведовал кафедрой органической химии в Московском университете, и к академику Александру Павловичу Орехову, видному специалисту по химии алкалоидов, который только что вернулся из Франции и руководил Фармацевтическим институтом. Я был принят в оба места, и мне нужно было выбрать одно из двух, но выбор за меня сделало наше правительство.

Шел 1939 год. В Европе уже пахло порохом, начиналась мировая война, и все отсрочки студентов от армии были ликвидированы. Вместо московской лаборатории я оказался за пять тысяч километров от дома в Забайкалье, «во глубине сибирских руд», на станции Оловянная между Читой и Маньчжурской границей. На улице мороз -50° , я в тонкой выношенной шинельке, старых ботинках с обмотками, должен был нести службу. В казарме, а казармой была землянка, где помещалось 200-300 человек, стояла одна маленькая печурка, которая могла поднять ночью температуру только до -15° . Короче говоря, это была жизнь, полная испытаний; нужно было забыть о химии и выживать. Удивительным образом я это дело пережил, спасибо за это богу и судьбе!

Во время службы в армии в Забайкалье.
1939 г.

Срочная служба уже подходила к концу, и я даже послал письмо в Москву – «До свидания, теперь уже скорого!». Пока письмо шло в Москву, началась Великая Отечественная война, и я остался еще на четыре года в армии. Ну что сказать про эти годы? Первые месяцы я болтался по тыловым частям Сибирского и Забайкальского военных округов, потом попал в действующую армию и в составе 391-й стрелковой дивизии прошел путь от Великих Лук до Праги, испытал все трудности и опасности фронтовой жизни.

Война подходила к концу, Гитлер уже был на том свете. Объявление о конце войны застало меня в Праге. Можно было демобилизоваться и ехать домой. Но дома, собственно, уже не было, потому что папа умер во время войны, мама была тяжело больна, ждала только моего прибытия и вскоре после этого умерла. Я вернулся домой и женился на Вере Сергеевне Володиной, с которой мы были знакомы много лет. У нас родились хорошие дети, началась совершенно новая жизнь.

Для мужчины все, конечно, определяется его профессией и местом работы. По окончании войны я имел право вернуться на то место, которое я занимал перед армией. Этим местом была аспирантура в лаборатории академика Несмеянова. Одновременно со мной демобилизовался из армии и мой младший брат Александр Константинович, который до этого тоже работал у Несмеянова. Мы пришли к Александру Николаевичу, и он сказал: «Братья Кочетковы, у меня два места: одно в Университете, другое в Академии наук, выбирайте сами, кому что нравится». Мы бросили жребий, Шуре выпала Академия, а мне – Университет. С 1 декабря 1945 г. меня зачислили лекционным ассистентом кафедры органической химии МГУ.

Надо сказать, это был счастливый жребий. Ведь лекционный ассистент должен не просто слушать лектора, а внимательно следить за каждым его словом. Александр Николаевич читал блестящие по форме и современные по содержанию лекции. И за первые

два года я полностью восстановился как химик, восполнил все, что потерял за время службы в армии. А в армии я находился ровно шесть лет – уехал из Москвы 21 октября 1939 года и вернулся 20 октября 1945 года. Шесть лет было вычеркнуто из моей научной жизни!

В школе Несмеянова я получил тему для кандидатской диссертации, защитил очень средненькую диссертацию по ртутно-органическим соединениям, а затем, копаясь в библиотеке, сам нашел себе тему для докторской диссертации. Это была работа по разнообразному органическому синтезу, по химии β -хлорвинилкетон β , которую я в течение нескольких лет и выполнил. В 1953 г. через восемь лет после возвращения из армии я защитил диссертацию, стал доктором химических наук и получил право на самостоятельную работу.

В школе А. Н. Несмеянова.
1946 г.

В то время было трудно с кадрами. Я довольно быстро получил предложение без отрыва от работы в Университете занять должность заведующего химическим отделом Института фармакологии Академии медицинских наук, тогда только что созданного. Там в содружестве с директором академиком АМН Василием Васильевичем Закусовым, замечательным человеком и хорошим фармакологом, мы синтезировали лекарственные вещества. Некоторые из этих разработок были потом внедрены в промышленность и выпускались в течение ряда лет. С тех пор интерес к работе с физиологически активными веществами остался у меня навсегда. Я проштудировал соответствующие разделы биологии и приобрел как бы вторую профессию.

С директором Института
фармакологии АМН СССР
В. В. Закусовым.
1956 г.

Александр Николаевич Несмеянов, связи с которым я, конечно, не порвал, направил меня на стажировку в Англию, предложив мне несколько месяцев поработать в Кембридже. Это было тогда не так просто. После смерти Сталина политическое положение в стране было еще неустойчивое, и не было никакой уверенности в том, что, приехав из Англии, я не попаду в ГУЛаг. Тем не менее мы с Верой Сергеевной все обсудили и решили рискнуть. Я уехал в Англию, и это сыграло решающую роль в моей дальнейшей научной карьере.

Встретивший меня в Англии лорд Алекс Годд всячески подбадривал меня и говорил, что мне ни о чем не надо беспокоиться. Я получил тему и начал спокойно работать. Но самое главное было не в этом. Кембридж был тогда одним из ведущих научных центров в Англии, да и во всем мире. Здесь проходили многочисленные коллоквиумы, симпозиумы, конференции. Университет славился великими учеными. Помимо сэра Алекса Годда, оставшегося на всю жизнь моим другом, я познакомился с выдающимся английским химиком, основателем британской химической школы сэром Робертом Робинсоном, с Яном Гейльброном, который тогда начинал свои исследования производных ацетилена, с лордом Лонгет-Хиггинсом, ставшим впоследствии выдающимся теоретиком органической химии, и многими другими. На коллоквиумах и всякого рода собраниях они обсуждали сложнейшие химические вопросы, но при этом вели себя так весело и непринужденно! Могли острить, подшучивать друг над другом, порой ядовито, но это нисколько не портило их отношений. Этот стиль общения навсегда остался в моей памяти, и многое из увиденного и услышанного я потом использовал в своей работе.

Прощание с друзьями в Кембридже.
1957 г.

Приближалось время возвращения домой. Сэр Алекс Тодд предложил мне остаться еще на два года. «Nikolay, look! Stay with me two more years». Но я тосковал по дому, тосковал по детям, пора было возвращаться, и я навсегда распрощался с Кембриджем.

Это было очень вовремя. В русской естественной науке под сильным влиянием западной науки бурно развивались биохимия и молекулярная биология, что в свою очередь требовало развития химии биологически активных веществ. В Москве в Академии наук был поставлен вопрос о создании Института химии природных соединений. Директором ИХПС был назначен академик Шемякин, я стал его помощником, и на меня в основном легла вся тяжесть работы по организации нового, необычного по тем временам института.

Дирекция ИХПС АН СССР.
Слева Н. К. Кочетков, справа
М. М. Шемякин

Как организовывался ИХПС, какие трудности пришлось преодолевать на этом пути: кадровые, с помещениями, снабжением и прочие, описано мною в отдельном очерке. Здесь могу только сказать, что примерно через два года институт начал работать, и тут

выяснилось, что я больше не нужен. Мавр сделал свое дело – мавр может уйти. Шемякин предложил мне выйти из состава дирекции и, что самое главное, я по сути лишился лаборатории.

В этой трудной ситуации меня поддержали Александр Николаевич Несмеянов и Николай Николаевич Семенов, тогда вице-президент Академии наук, замечательный человек, много сделавший в те годы для нашей науки. Они предложили мне место директора Института органической химии имени Зелинского, головного института страны в этой области. Я, конечно, с восторгом принял это предложение, но Шемякин не хотел отпускать сотрудников моей лаборатории. Тянулась довольно длинная и сложная история, я расскажу только ее конец. Кабинет академика Семенова. Сидит Семенов, а по обе стороны от него поглядывают друг на друга академик Шемякин и член-корреспондент Кочетков. Николай Николаевич смущенным голосом говорит: «Вот Академия наук, Президиум, рекомендовали Николая Константиновича на должность директора Института органической химии». Шемякин рычит в ответ: «Кочетков пусть убирается, а лабораторию я не отпущу». На это Николай Николаевич смущенно говорит: «Ну, как же так, это ведь его лаборатория» и прочее, и прочее. Шемякин долго упирался, но конфликт в конце концов разрешился тем, что его уговорили на компромисс. Он сказал: «Ладно, пусть Кочетков убирается со своими углеводами, а нуклеотидную химию я оставляю у себя». Мне пришлось решить этот вопрос мгновенно: «Я согласен». Париж стоит обедни. Но об этом вынужденном согласии навсегда пожертвовать химией нуклеиновых кислот и нуклеотидов я с болью вспоминаю до сих пор. А через день я был представлен на Президиуме Академии наук.

Так с коллективом лаборатории химии углеводов я ушел в ИОХ. Я вошел в стены этого института, наивно полагая, что он начинает работать с десяти часов утра. Но институт был пуст. В растерянности я остановился перед запертой дверью дирекции, и тут появилась маленькая пожилая женщина. Представилась: «Здравствуйте, я ваш новый директор». «А я Татьяна Кирилловна», – ответила женщина. Она открыла дверь ключом, и я вошел в кабинет, в котором просидел почти четверть века – 22 года, управляя этим замечательным институтом.

Директор ИОХ АН СССР.
1988 год.

Я сразу полюбил ИОХ, солидный институт с очень интеллигентными людьми, за что спасибо моему предшественнику Борису Александровичу Казанскому. За время работы в институте мне пришлось решать много задач и ребусов. Я модернизировал оборудование, обновил и расширил тематику, благодаря чему институт получил еще более широкое признание за рубежом. А самое главное – консолидировал свое научное направление, химию углеводов. Рядом со мной собралась компания единомышленников, которая теперь называется научной школой и частично функционирует в институте, а частично разбросана по всему миру. Работа в Институте органической химии была самым счастливым творческим периодом в моей жизни, который подошел к концу в связи с моим возрастом.

2005 г.